

Электронный научный журнал «Vox medii aevi»

Лаборатория медиевистических исследований,
НИУ «Высшая школа экономики»

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
имени А. В. Полетаева, НИУ «Высшая школа экономики»

Научная конференция

Как создается «современное» Средневековье, или *Medievalism Studies*

Мясницкая улица, д. 11, ауд. 518

29 МАЯ

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК КОНЦЕПТ: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ИДЕНТИЧНОСТЬ

10:20–10:45. АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ ФИЛЮШКИН

(1)

д. и. н., Санкт-Петербургский государственный университет

Причины современного медиевистического бума на постсоветском пространстве

В 1990-е гг. на постсоветском пространстве происходит всплеск медиевализма. Распались СССР, СФРЮ, ЧССР. Новые национальные государства стали «мобилизовывать Средневековье», обращаться к его образам как к источнику национальной традиции.

Однако рост медиевализма сегодня – результат не только и даже не столько перемен в устройстве региона, сколько – производная существенных изменений в человеческой культуре в глобальном мире. Современный образ Средневековья отделился от своего исторического аналога и превратился в культурный бренд.

Цифровые технологии позволяют не просто стереть хронологическую дистанцию и другие границы между нашим временем и Средневековой эпохой. Они сделали Средневековье частью современной реальности. Рост медиевализма связан с рефлексией отторжения сознанием человека глобализации, экологических катастроф, информатизации, тоталь-

ного проникновения массовой культуры и т. д. Травмированные состоянием окружающего мира, люди мечтают о сказке. В своем выдуманном Средневековье они видят идеалы, которые человечество утратило в ходе развития цивилизации.

Некоторые стили ведения дел в политике и социальной сфере продолжают восходить к Средневековью, несмотря на все смены эпох (кланы, банды, секты, полевые командиры, «странные войны» и т. д.). Для их описания современные аналитики обращаются к образам Средневековья. Недаром Зигмунд Бауман говорит о «воскрешении племени» как формы идентичности в сегодняшнем мире.

10:45–11:10. ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ БЫЧКОВ

(2)

Институт Всеобщей истории РАН

Образ европейского Средневековья в советской неофициальной культуре периода застоя (1964–1984)

Двадцать лет, которые называют «эпохой застоя», в то же время были временем формирования новой культуры, где переплетались многие разнородные элементы. Противопоставление себя официальному идеологизированному советскому искусству 1960-1970-х гг. зачастую подразумевало политическое и религиозное диссидентство, обращение к новым общемировым веяниям моды, поскольку все это в равной степени выпадало из сферы дозволенного — именно в этой ситуации и формировался новый образ Средних веков.

Большую роль в среде творческой интеллигенции рассматриваемого периода играл перевод как акт самовыражения, являвшийся одновременно и одним из основных средств заработка для поэтов и писателей, не вписавшихся в систему. В то же время, благодаря переводам складывается массовое представление о западном Средневековье, во многом строящееся еще на романтическом восприятии эпохи.

Но перевод не только служил окном в широкие массы: существование «самиздата» подталкивало лингвистов и филологов, входивших в неформальные объединения, переводить книги, недоступные для русских читателей. Тесным образом с поэзией оказалась связана и музыкальная деятельность того времени.

Предвестниками первых советских рок-групп, обративших внимание на средневековые и ренессансные мотивы, стали музыканты-сочинители, не являвшиеся членами Союза композиторов. Важным показателем актуальности музыкальных сочинений этих авторов был тот факт, что их творчество реинтерпретировалось и завоевало большую популярность среди интеллигенции.

11:10–11:35 СЕРГЕЙ АРКАДЬЕВИЧ ИВАНОВ

(3)

д. и. н., НИУ «Высшая школа экономики»

Византия в художественном восприятии: советском, антисоветском и постсоветском

Художественное осмысление случившейся в России катастрофы в категориях византийской истории начинается одновременно с большевистской революцией: первым здесь стал Николай Гумилев с его «Отравленной туникой». На первый взгляд, это чисто эстетская пьеса, никак не связанная с политической злобой дня (так ее и ставят на театре сегодня) — на самом же деле, она не только весьма детально отражает жизненные обстоятельства автора, но и впервые формулирует вопрос, правильно ли пойти против собственной страны, если власть в ней захватили нелюди. Византия в качестве образа прекрасной погибшей Атлантиды, напоминающей потерянную Родину, фигурирует в творчестве таких эмигрантских авторов как Юрий Иваск и Антонин Ладинский. Советское же искусство в первые десятилетия своего существования не обращало на Византию особого внимания.

Ситуация меняется в позднесоветский период. Византия появляется в самых разных дискурсах: она играет отрицательную роль в шовинистической эпопее «Русь изначальная» Валентина Иванова и, наоборот, положительную — в крипто-православной детской повести «Кукша в Царьграде» Юрия Вронского. Интересен опыт перекодировки образа Византии у вернувшегося из эмиграции Ладинского. Отдельно следует упомянуть эссе Иосифа Бродского «Бегство из Византии», являющееся практически самым поздним рефлексом восприятия древней империи как предтечи советского коммунизма.

В завершении доклада будет сказано несколько слов о судьбах Византии в постсоветском искусстве.

11:35–12:00 СТАНИСЛАВ ГРИГОРЬЕВИЧ МЕРЕМИНСКИЙ

(4)

к. и. н., Институт Всеобщей истории РАН / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

«Самая памятная дата»: Нормандское завоевание в английской литературе XIX — начала XX века

Доклад посвящен месту, которое Нормандское завоевание занимает в трех знаковых для английской культуры произведениях: романе В. Скотта «Айвенго» (1820), сказке «Алиса в Стране чудес» Л. Кэрролла (1865) и пародии на учебник по истории «1066 год и все такое» (1930) У. Сэллара и Р. Йитмена.

Роман Скотта, ставший первым его произведением, посвященным эпохе Средних веков (а не относительно недавнему прошлому Шотландии) имел огромный успех и оказал значительное влияние на интерес к этой

эпохе и на представления европейцев XIX века о Нормандском завоевании и его последствиях. Заложённая в «Айвенго» идея возникновения единой английской нации в результате взаимной ассимиляции саксов и нормандцев стала краеугольным камнем «вигской» модели истории, доминировавшей в викторианскую эпоху. Она отражалась и в научных трудах, и в учебных пособиях. Цитату из одного из них, «Краткого курса истории» оксфордского дона Х. Л. Чепмелла, Льюис Кэрролл вставил в «Алису в Стране чудес» как пример «самой сухой известной мне вещи». Модель «вигской» истории, призванная обосновать неуклонный прогресс Британского государства, как и другие европейские националистические исторические модели, столкнулись с серьёзным кризисом под влиянием событий 1-й мировой войны. Проявлением такого кризиса в Англии стала книга Селлара и Йитмена – блестящая сатира на школьные учебники истории, которые одновременно деконструировались и доводились до абсурда.

12:00–12:25 ЯРОСЛАВ ЮРЬЕВИЧ СТАРЦЕВ

(5)

к. п. н., Институт философии и права Уральского отделения РАН

**Концептуализация и категоризация «нового Средневековья»
в российской политологии: количественный анализ**

Оценка современного российского общества как «неофеодального» или «средневекового», как и широкое использование архаизирующей терминологии при оценке современных реалий («новое дворянство», «региональные бароны» и т. п.), широко распространена в отечественной политической публицистике.

Академическая политическая наука сдержанно воспринимает подобные аналогии, однако соответствующая терминология проникает и в научные исследования. При этом в некоторых случаях такое словоупотребление может эволюционировать от случайных или развернутых метафор в сторону устойчивых понятий, обладающих принятыми в научном сообществе атрибутами.

Методы частотного корпусного анализа, применённые к репрезентативной выборке политологических текстов позволяют выявить некоторые черты такой эволюции. Использованный для исследования корпус представляет собой тексты статей, опубликованных в 37 российских политологических журналах, отобранных по критериям РИНЦ, с 1991 г. или с года начала выпуска / доступности полнотекстовых версий по 2018 г. (сплошная выборка) и тексты авторефератов диссертаций, защищённых по политическим наукам с 2001 г. по 2018 г.

В корпусе выявлены 82 слова или словосочетания (уни- и биграмм), напрямую отсылающие к идее «нового Средневековья» применительно к современному миру, преимущественно – в России. Они формируют своего рода неомедиевалистский глоссарий современной политологии.

Сравнительная частотность использования этих *n*-грамм в рассматриваемый период показывает, что с течением времени российская политология все реже прибегает к ним: происходит волнообразное снижение суммарной частотности употребления с 0.00001516177 в 1994 г. (пиковое значение) до 0.00000237855 в 2018 г. Эта тенденция контрастирует с данными Национального корпуса русского языка, показывающими рост частотности использования соответствующих слов и словосочетаний в тот же период. Параллельно учащается применение кавычек для неомедиевалистских отсылок, что подчеркивает условный и метафорический характер их использования.

Аналогичное исследование было проведено в отношении глоссария, сформированного из терминов, связанных с теорией неопатримониализма (13 *n*-грамм): их сравнительная частотность в корпусе возрастает с нулевых значений в публикациях начала 1990-х гг. до 0.00003746212 в 2018 г. (пиковое значение). Таким образом отчасти подтверждается высказанная нами ранее гипотеза о своего рода параллелизме «неофеодальной» и «неопатримониальной» понятийных систем, разграничивающих разные дисциплинарные подходы к одним и тем же или однотипным объектам исследования. В этом смысле можно говорить о постепенном вытеснении из политологического дискурса не свойственной ему историзирующей терминологии более привычной концептуальной схемой неопатримониалистских исследований. Одновременно усиливается дистанцирование академического узуса от общезыковой практики.

Частотный анализ контекста использования слов, формирующих оба глоссария, позволяет выявить дополнительные особенности их упоминания и сформировать представление о специфике соответствующего проблемного поля.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОБРАЗЫ В МУЗЫКЕ XX ВЕКА

12:45–13:10 ЕЛЕНА МАРКОВНА ДВОСКИНА

(6)

к. иск., *Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского*

***Gesta Danielis, troveris clarissimi de Tartaria. Medievallica*: рок-композиции в средневековой технике**

Доклад будет посвящен проекту *Medievallica* Даниила Рябчикова – создателя ансамбля средневековой музыки *Musica mensurata* (и одноименного фестиваля). Аранжировки хитов рок-групп в технике и на инструментах XII–XIII веков и нетривиальная музыкантская судьба самого Рябчикова, пришедшего к средневековой музыке не традиционным школьно-консерваторским путем профессионального музыканта, а из рок-музицирования, позволяют взглянуть на сам феномен средневековой музыки с точки зрения, не привычной для академических музыкантов.

Образы Средневековья в британской хеви-метал музыке 1980-х гг.

В популярной музыке нередко происходит обращение к музыкальным традициям прошлого. Средневековье неизменно остается одним из самых «цитируемых» в музыкальной культуре в целом и в отдельных музыкальных жанрах в частности. Так, средневековая история и мифология стала важной составляющей хеви-метал музыки в Великобритании в 1980-е годы. Музыканты обращались к широко узнаваемым военным сюжетам, кельтским и скандинавским мифам: крестовым походам, войне Алой и Белой роз, эпосу о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, легенде о Беовульфе, т. д. Создаваемое мифологизированное и воображаемое прошлое дополнялось зрелищными, часто театрализованными концертными выступлениями в средневековой стилистике. Наряду с этим, музыканты отошли от использования блюзовой гармонии, которая составляла основу популярных ранее стилей рок-музыки, в пользу западноевропейских музыкальных традиций: музыке барокко и Ренессанса, фольклорной и церковной музыке. Не менее важной стала демонстрация своей национальной идентичности и «английскости», репрезентированной через средневековые образы конкретных городов и регионов Англии (например, иконические средневековые образы Кентерберри и Честера).

В докладе будет рассмотрено, посредством каких механизмов создавалось воображаемое и мифологизированное Средневековье в британской хеви-метал музыке в 1980-е годы, а также какое культурное значение имело обращение к средневековым сюжетам для хеви-метал сообществ.

Средневековые мотивы в творчестве Анджело Брандуарди

Анджелло Брандуарди – итальянский певец и композитор, пик творчества которого пришелся на вторую половину XX века. Музыкант часто обращался к народным средневековым мелодиям (бретонским, венгерским, шотландским и т. д.), средневековым текстам и сюжетам, адаптируя их для современного слушателя. Один из альбомов музыканта «L'infinitamente piccolo» полностью посвящен истории Франциска Ассизского.

«Средневековое настоящее» в творчестве музыканта – причины поиска вдохновения в прошлом. Главная тема, которая имеет непреходящий интерес для артиста, – баланс между земным и божественным в тексте и музыке, где божественное, высшее начало представляет собой звук или голос. Именно поэтому Брандуарди так часто ищет вдохновения в Средневековье, где «высокая музыка» была непосредственным атрибутом

религии, но также существовала и «низменная», то есть народная, земная, которая служила для непосредственного выражения сильных эмоций – восторга или отчаяния. Песни Брандуарди – это «попытка соединить дьявола и святую воду», как выразился сам музыкант.

Источники трех альбомов А. Брандуарди (*Alla fiera dell'est, La pulce d'aqua, Cogli la prima mela*) и средневековая песенная культура Европы.

14:00–14:25 АЛЕКСАНДРА ВИКТОРОВНА КУЛЬПИНА (9)

к. и. н., Институт философии РАН

Звуки вне времени: о средневековых инструментах и музыкальных экспериментах XX века

Аутентичное, или исторически информированное, исполнение старинной музыки уже почти полтора века остается темой острого интереса как для академического мира, так и для массовой аудитории. Своеобразие звучания восстановленных и реконструированных музыкальных инструментов, как и вариативность нотной записи «доклассического» этапа европейской традиции оказались близки композиторам XX века. Как и зачем в постклассическую музыку вернулись звуки средневековых и ренессансных инструментов? Как связаны звукозапись и альтернативная история? Эти и другие вопросы будут затронуты в докладе.

В качестве примера мы рассмотрим сочинение аргентино-немецкого композитора Маурисио Кагеля «Музыка для ренессансных инструментов» (*Musik für Renaissance-Instrumente, 1965–1966*). В этой композиции автор исследует акустические возможности сорока семи музыкальных инструментов копий эпохи Возрождения (реконструированных копий). По замыслу композитора их звучание максимально удалено от исторического, как и структура произведения. Является ли в действительности такой подход медиевальным или антимедиевальным? Для ответа мы обратимся к средневековым описаниям звука, риторике аутентиков первой и второй волны и биографии самого композитора.

ОСМЫСЛЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ПРЕПОДАВАНИИ

15:25–15:50 НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА ДОЛГОРУКОВА (10)

к. ф. н., НИУ «Высшая школа экономики»

КСЕНИЯ ВАДИМОВНА БАБЕНКО

НИУ «Высшая школа экономики»

Приключения Абеяра и Элоизы в России

Приключения Абеяра и Элоизы в России начинаются в XVIII веке. Именно тогда, в 1783 году, впервые было издано собрание писем двух французских любовников XII века. За ним последуют новые переводы и из-

дания: 1816 и 1902 гг., а также маленький биографический рассказ о несчастьях Абеяра, созданный немецким драматургом, главой немецкого театра в Петербурге, Августом Фридрихом Фердиннадом фон Коцебу (1761-1819), «несравненным Коцебу», как нарек его Набоков в «Пнине». В первой части доклада мы сосредоточимся на первом издании писем Абеяра и Элоизы, вышедшем в типографии Новикова в переводе А. Дмитриева, и покажем, каким образом и почему в нем был сконструирован образ сентиментальных любовников, а Элоиза практически превратилась в бедную Лизу.

Вторая часть нашего доклада будет посвящена приключениям Абеяра в современной российской школе. Большинство проанализированных нами учебников, изданных в период с 1998 по 2019 гг., значительно искажают факты об Абеяре и Элоизе, а иногда просто противоречат существующим исследованиям и историческим документам. В числе выбранных нами изданий есть и один из самых популярных учебников – Е. В. Агибаловой, в котором, в числе прочего, читаем: «Юная Элоиза <...> удивляла современников умом, образованностью и красотой». В докладе мы рассмотрим, насколько видение авторов относительно этой и многих других деталей совпадает или не совпадает с мнением самого Абеяра.

15:50–16:15 ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ КОЛОСКОВ

(11)

к. и. н., Санкт-Петербургский государственный университет

Образ Средневековья в школьном образовании стран Западных Балкан в начале XXI века

После банкротства социалистических моделей развития и трансформации политических режимов в Балканских странах, остро встал вопрос формирования новой национальной мифологии. В условиях отказа от революционной традиции и, зачастую, невосребованности социалистического прошлого, средневековая история стала важнейшим элементом формирования мифологии национализма, ставшего одним из ключевых факторов серии кризисов на Балканах в последнее десятилетие XX века.

После череды, в том числе вооруженных, конфликтов произошло переосмысления национальной мифологии в силу новых политических реалий региона, а именно активизации процесса евро-атлантической интеграции и, как следствии, требования предотвращения негативного прошлого, основанного на средневековой мифологии, приведший к современным войнам памяти. Это потребовало смягчения радикальной национальной риторики и пересмотру многих пассажей, характерных для периода 1990-х гг. в том числе и в школьных учебниках по истории. В рамках исследования проведен анализ по срезу ключевых исторических мифологем средневековой истории региона, а именно таких

сюжетов, как формирования государственности, период наибольшего расцвета страны («Золотого века»), национального пантеона и момента гибели средневековой государственности. Наибольшее внимание в нашем исследовании уделяется моментам войн памяти исторической мифологии стран региона.

16:15–16:40 АРКАДИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ТАРАСОВ (12)

к. и. н., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

«Дивно и чудно»: к проблеме изучения Средневековья в высшей школе

Одной из важных в работе со студентами-первокурсниками мне видится задача преодоления тенденциозного отношения к Средневековью как к эпохе безвременья, господства «вселенского домостроя» и мрачных во всех смыслах «темных столетий». Попытка изменения образа Средневековья в головах начинающих историков является не только общепросветительским стремлением подтянуть систему их понятий к современному уровню научной мысли. Делаящие начальные шаги в исследовательской области первокурсники, если они останутся в границах обывательских стереотипов, могут «попасться на удочку» заведомо искаженного понимания средневековых источников. Пример такого искажения (правда, в связи с источниковедческими трудностями) привел А. П. Толочко, критикуя возможности реконструкции социальных отношений на основании Краткой редакции «Русской Правды»: «Это — исключительно мужское сообщество, члены которого избивают друг друга разнообразными способами, часто приводящими к убийствам. Так же избивают и подневольных людей (смердов, челядь), отчего те бегут, их ловят и снова избивают. В свободное от драк время <...> воруют. Вот, по существу, и все».

Раскрытию Средневековья в новом для студентов ракурсе способствует, помимо историко-антропологической литературы и исследований, посвященных ментальностям, кинематограф. Ряд фильмов, авторы которых обращаются к исторической тематике, может быть использован в учебном процессе как дополнительный визуальный материал. Это «Седьмая печать», реж. Ингмар Бергман (1957); «Царь», реж. Павел Лунгин (2009); «Мельница и крест», реж. Лех Маевский (2011) и др. К кинематографическому полотну вполне применимы вопросы, которые могут подниматься в историографии: символ и аллегория как отражение особенностей мировосприятия Средневековья; потусторонний мир и особенности его взаимоотношений с миром реальным; жизнь для смерти и смерть в жизни средневекового человека и т.д. Кинематограф расширяет возможности освоения студентами источников и историографии, а также позволяет зримо представить широту возможностей интерпретации исторического материала Средневековья.

17:00–18:30 Круглый стол

«МЕДИЕВАЛИЗМ В РОССИИ: ВЛАСТЬ, МЕДИА И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ»

ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ БАЙДУЖ

(13)

к. и. н., Тюменский государственный университет

Геральдика в движении исторической реконструкции современной России

Различные эмблематические практики и, начиная с XII в., гербы, играли важнейшую роль в социальном самоопределении и репрезентации индивидов и общностей средневековой Европы. Отнюдь не ограничиваясь функционально военной сферой, а социально – нобилитетом, геральдика имела повсеместное распространение, являясь одним из определяющих культурных маркеров цивилизации премодерна. Вполне ожидаемо обращение к ее историческому феномену в различных видах популярной реконструкции европейского Средневековья, представленных, в частности, визуальными рядами соответствующих тематических сообществ в социальных сетях. Выражая установки участников в отношении как собственно воспроизводимых эпох, так и организационных форм движения, эмблематика предстает специфическим репрезентантом культуры реконструкторов как целостного феномена. Практики геральдической репрезентации разнятся в историко-реконструкторском движении Европы, США и на постсоветском пространстве как масштабом, так и подходами к ним. Обусловлено это, в первую очередь, общекультурными особенностями, ролью геральдики в их историческом прошлом и актуальными традициями, например, шириной распространения. Геральдика и предшествующие/сопутствующие ей эмблематические обычаи бытуют в двух «классических» видах существования движения реконструкции, отличающихся целевыми ориентирами участников – клубах исторического средневекового боя и «живой истории» в разной степени. Количественно преобладает коллективная (клубная, знак принадлежности к сообществу) эмблематика, чаще – унифицирующая одежда или литые бейджи; в первом случае встречается воображаемая/абстрактная геральдика, во втором – личная, или отсутствие вообще.

Подходы к избранию эмблем, пожалуй, наиболее четко отражают восприятие геральдики многими представителями движения как неисторического феномена. Показательно, что определяющим фактором избрания привлекательного объекта реконструкции (как правило, ополчения определенного города; привязка носит в большей степени формальный характер) для многих клубов ИСБ выступает его историческая геральдика, а также известность или звучность городского имени, что способствует

зрелищной репрезентативности организации на историко-спортивных мероприятиях. Характерной тенденцией является частое игнорирование особенностей исторической стилистики гербов, представляющихся реконструкторам неприемлемыми с позиции современных эстетических установок: «не нравится герб города, потому что у орла глаз терпилы» (С., 22.09.2014). Примечательно, что с точки зрения правил геральдики стилистические особенности иконографии герба не представляются определяющим элементом, играя роль датирующего признака. Практическая значимость реконструкции функционирования исторической геральдики из перспективы интересов медиевистики, например, ее идентификационного потенциала в экстремальных ситуациях средневекового боя, пока остается исследовательской задачей.

Редкость геральдической репрезентации в среде участников направления *living history*, позиционирующих себя, в пику «бугуртсменам», поборниками «историчности», следует, в первую очередь, из статусных ограничений: право на герб как показатель высокого положения в обществе с необходимостью демонстрации соответствующего уровня достатка. Обретение персонального знака порой оформляется специфической гербовой грамотой, маркирующей обряд перехода. Динамичный характер участия в движении, предполагающий смену воссоздаваемых социальных ролей (соответственно, и необходимой исторической экипировки) или даже направлений, выражается в последнем случае трансформацией восприятия и использования эмблематики как части качественного роста реконструктора.

Эмблематика как элемент воссоздаваемой материальной культуры достаточно четко маркирует дифференцированный подход к отбору привлекательных с позиции того или иного направления исторических традиций. Безусловно, обращение к геральдическим аспектам в рамках реконструкторских культур носит выборочный характер, как и воссоздание материальной и духовной составляющих объекта (ре)конструкции в целом. Примером может быть редкость в рядах движения представителей института герольдов, значимых фигур средневековой европейской цивилизации, но малоуместных персонажей в границах доминирующих форм фестивальных и клубных инсценизаций. Представления о геральдике воспроизводимого объекта отражают и различное восприятие членами движения понятия «источник», от казусов «достоверного» с т. зр. материальной базы исторического кинематографа, до — преимущественно — иконографических памятников эпохи. При этом, эмблематические материалы занимают весьма скромное место в «источниковедческих» тематических фотоальбомах клубов в социальных сетях, чаще «случайно» встречаясь в их основном визуальном контенте — изображениях или артефактах элементов вооружения, экипировки и др.

Роль геральдической традиции в движении видна и вне собственно реконструкторских практик. Например, создание для публики

или других участников гербов «по средневековым правилам» (Д., 20.05.2017) иногда выступает формой микрокоммерческой активности на фестивалях исторической реконструкции, наиболее массовой репрезентативной форме движения. Историческая геральдика имеет место и в повседневной жизни носителя субкультуры, переносясь в «обычные» контексты.

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА МАТАСОВА (14)

к. и. н., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Испить из «дивного кладязя», или зачем сегодня россиянам русское Средневековье?

В докладе речь пойдет о главных шаблонах, с помощью которых традиционно в просветительских проектах подается материал о русском Средневековье, а также о том, как эти шаблоны могут отталкивать желание знакомиться с русской стариной. Я постараюсь предложить некоторые альтернативные способы, которые могли бы способствовать изменению ситуации. Главная идея, о которой, как мне кажется, стоит почаще вспоминать, состоит в том, что широкую публику интересуют в истории те же сюжеты, которые ее волнуют в сегодняшней жизни. Я ни в коем случае не призываю «осовременить» средневековье. Скорее, наоборот: показать его в том удивительном и столь отличном от нынешней эпохи обличье, в каком мы его сегодня знаем.

Однако «постановки проблем» для публики можно чаще связывать с сегодняшним днем (кулинария и прочие «бытовые» подробности, тема любви и других эмоций, тема самоощущения и связанная с ней тема восприятия разнообразных явлений действительности и мн. др.). Мне кажется, знакомство в подлинным средневековьем во всех его ипостасях было бы небесполезно для самоощущения и самосознания современного общества: познавая другое, лучше понимаешь себя.

МАКСИМ СЕМЕНОВИЧ ДОЛИНСКИЙ (15)

Художественный редактор «Высокого Средневековья»

КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ МЕФТАХУДИНОВ

Научный редактор «Высокого Средневековья»

«Высокое Средневековье»: форматы, площадки, аудитория

Мы создали просветительское медиа «Высокое Средневековье» на базе популярного в социальных сетях паблика «Страдающее Средневековье» чтобы иметь возможность говорить о Средних веках на языке современных независимых медиа: без цензуры, без запикивания мата и с радикальными авторскими оценками. В «Высоком» мы создали несколько форматов подачи материала.

Наш первый формат – очевидный: разбор популярных мемов «Страдающего». Он позволил осветить разные аспекты средневековой культуры: рассказать об астрологии, медицине, бестиариях и вообще о средневековом символизме.

Второй формат – конспекты. Это краткая хронология последовательности исторических событий, которую удобно и интересно читать человеку, который не имеет представления о том, что такое Византия.

Наконец, мы создали своими силами и без дополнительных вложений собственный сайт, где размещаем материалы, которые не подходят для соцсетей – спецпроекты и тесты. В спецпроекте «Пасха» мы рассказываем об орудиях и местах Страстей Иисуса, сейчас в разработке находится спецпроект про медиевализм.

Формат небольшого независимого медиа с авторским стилем позволяет не зависеть от крупных спонсоров и инвесторов, решать финансовые вопросы публика с помощью краудфандинга (сейчас этот способ финансирования используется многими независимыми медиа и политиками) благодарной аудитории и самим выбирать темы и форму подачи. На наш взгляд, подобный опыт полезен как медиа, так и научному сообществу.

30 МАЯ

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК КОНЦЕПТ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

10:00–10:25 ВИКТОРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ТКАЧЕНКО (16)

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Как «Древняя» Русь стала «Средневековой» Русью: первые века русской истории в историографии и искусстве XVIII–XIX веков

Говоря о конструировании образа русского Средневековья в отечественной культуре необходимо, прежде всего, задаться вопросом: в какой момент ранняя русская история начинает восприниматься непосредственно как средневековая?

На сегодняшний день не существует единой периодизации истории России. Для обозначения ее начального этапа используются термины «Киевская Русь», «Домонгольская Русь», «Древняя Русь», «Средневековая Русь» и др. Несмотря на кажущуюся синонимичность, каждый из них несет с собой целый ряд сопутствующих смыслов.

В XVIII в., в момент зарождения отечественной историографии и исторического искусства, первые века русской истории отождествлялись

с Античностью. В театре события этих времен изображались в традициях классицизма, с использованием «римских платьев» и др. Историки стремились найти параллели русской и античной истории, сопоставляли славянских богов с древнегреческим пантеоном и т. д.

Первые случаи подражания образам западного Средневековья в изображении русских исторических событий прослеживаются с рубежа XVIII–XIX вв. Под влиянием романтизма, отечественные авторы активно обращались к национальным сюжетам и одновременно транслировали на них ряд стереотипов, воспринятых из зарубежной литературы. В отечественной историографии XIX в. неоднократно предпринимались попытки сопоставления русских исторических событий с событиями западного средневековья. Однако, несмотря на употребление понятия «средневековый» по отношению к отдельным историческим процессам, название «Средневековая Русь» не использовалось для обозначения русского государства.

Переломным этапом в конструировании образа русского Средневековья становится становление марксистского подхода к отечественной истории, на долгое время сделавшего одной из главных исследовательских проблем вопрос генезиса феодализма на Руси. С начала XX в. термин «Средневековая Русь», наравне с понятием «феодальная Русь», прочно входит в отечественную историографию и культуру.

10:25–10:50 МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ДМИТРИЕВ (17)
д. и. н., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / НИУ «Высшая школа экономики»

Об опыте поисков Средневековья, Возрождения и Нового времени в истории Руси и России

В докладе предпринимается попытка рассмотреть проблематику конференции в контексте научных споров о специфике развития Руси и России в XI–XVII вв. по сравнению с Западом того же времени. Будут представлены и обоснованы два тезиса.

Во-первых, последовательно и строго сравнительный подход к изучению истории христианской культуры «латинского» и древнерусского миров вполне продуктивен; именно сопоставление ряду верифицируемых параметров «средневековой модели» западного христианства с опытом византийско-православной культуры Руси (по тем же параметрам, например, «гуманизм» или «религиозное насилие») помогает увидеть и в истории Запада, и в истории Руси то, что вне компаративистского подхода не видно.

Во-вторых, то же самое сопоставление выявляет нерелевантность понятий «Средние века», «Возрождение», «Новое время» при изучении культуры Древней и Московской Руси, применение которых

приводит к невольному мифотворчеству, созданию анахронического «образа» Средневековья вместо производства рациональных знаний о том, что «на самом деле» происходило в культуре восточных славян в XI–XVII вв. Оказывается, что самое неприложимость таких понятий как «Средневековье», «схоластика», «крестовые походы» «гуманизм», «Реформация», «Новое время» к истории православной культуры Восточной Европы принуждает и позволяет искать и находить истинные типологические характеристики как древнерусской, так и «латинской» культур.

10:50–11:15 АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ МИХАЛЕВ (18)

д. п. н., Центр изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет

Даурская готика в системе постсоветской крайне правой идеологии азиатской России

Представленное исследование посвящено анализу взаимосвязи даурской готики и крайне правой идеологии в азиатской части России. Даурская готика – это романтическое течение в искусстве, для него характерны готическая атмосфера и сюжеты о войне, связанной с «древними» мистериями Внутренней Азии. Сюжетные линии обычно происходят в начале XX века, а ключевыми протагонистами являются как реальные исторические персонажи – Роман фон Унгерн-Штернберг, Чжа-лама, – так и вымышленные герои и йогины. Территориально события локализуются в Забайкалье (Даурии) и граничащей с ним Монголии.

Даурская готика как жанр сформировалась в фашистской среде г. Харбин в начале XX века. Она берет начало от баллад о белом рыцаре Унгерне. Вслед за литературным жанром возникла особая живопись и песенная культура. При этом исходные для этого жанра сюжеты буддийского мистицизма восходят к образам средневековой степной Азии. Протагонисты даурской готики апеллируют к текстам и артефактам в пространстве от Забайкалья до Тибета.

На наш взгляд, даурская готика как жанр непосредственно связана с социальной травмой распада империй, а значит, описание ситуации эстетической обреченности крайне актуально для формирования модели политического поведения, характерного для условий постсоветского коллапса. Словарь даурской готики сформировал способ описания политического мироустройства в категориях буддийской эсхатологии. В 2000-е годы этот жанр стал основой крайне правого направления в политической культуре. Несмотря на устойчивые тренды, идущие из других стран Азии, изучаемая нами готика практически не представлена мангой и анимэ. Ее нарративы существуют прежде всего книгами и статьями, а также музыкой направления RAC.

Латинская Америка: «Средневековье» в свете цивилизационного подхода

1. Реальное историческое содержание термина «Средние века» – обозначение вполне определенного этапа истории западноевропейской цивилизации. Условность применения термина «средневековый» к любым неевропейским культурам. Реальность «Средневековья» в Латинской Америке – это реальность сохранения в социально-генетическом коде латиноамериканских обществ определенных черт средневековой Иберийской Европы.

2. Специфика восприятия этой части европейского наследия Латинской Америкой обусловлена особым цивилизационным статусом как Иберийской Европы, так и возникшей в результате взаимодействия разнородных традиций латиноамериканской цивилизации. «Пограничный» характер ибероевропейской цивилизации: Пиренейская Европа как «Восток-Запад». Противоречивое сочетание черт Средневековья и Ренессанса в историческом облике Испании и Португалии в эпоху конквисты. Проявление этой противоречивости на всех уровнях – от экономики до «переходного» типа личности конкистадоров.

3. Специфика латиноамериканской цивилизации как «пограничной»: преобладание принципа многообразия над принципом единства, при том, что единство тоже вполне реально. Однако это единство *sui generis*, проявляющееся в особом типе системности, отличном от того, который наличествует в великих цивилизациях Востока и Запада.

4. Доминанта многообразия проявлялась и проявляется во всех сферах латиноамериканской жизни – это экономики до духовной культуры. В социально-экономической сфере это нашло свое отражение в многообразии социально-экономических укладов. Симбиоз испанского «феодализма» с индейской общиной в колониальный период. «Взаимоупор» институтов власти-собственности и частной собственности в колониальной Ибероамерике. Воспроизведение отношений «взаимоупора» в рамках латиноамериканского латифундизма. Сочетание в социокультурном типе латифундиста черт капиталистического предпринимателя и средневекового сеньора.

5. «Живое» присутствие «Средневековья» в современной Латинской Америке в определенных чертах иберокатолической традиции, прежде всего – в особом типе иберокатолической рациональности, которая является разновидностью «ценностной рациональности» (по М. Веберу), качественно отличной от капиталистической формальной рациональности.

Ян Гус, гуситы и «соколы»: инструментализация событий XV века чешскими националистами XIX века

Одной из основ конструирования чешской идентичности в XIX в. было трактуемое в духе романтизма прошлое. Центральное место в национальной мифологии занимали образы Яна Гуса и гуситов. В качестве образца их воспринимали и т.н. «соколы». Возникшее в 1861–1862 гг. сокольское движение соединяло, по примеру немецких «Турнферайнов», национализм и гимнастику и постепенно получило широчайшее распространение в т.н. чешских землях монархии Габсбургов и за их пределами. В докладе я рассматриваю различные практики реконструкции событий XV в. — от разведения костров в день казни Гуса до массовых вольных упражнений на сокольских «слетах», изображавших ход сражений с помощью человеческих тел. В чешской националистической культуре было гораздо больше места для гуситского полководца Яна Жижки, а не интеллектуала и проповедника Гуса. Посредством сокольской «игры» в гуситов чешская идентичность распространялась среди тех, кто еще не совершил полуосознанный выбор своей национальной принадлежности, а необходимое в век историзма обоснование получали различные идеи и ценности, в т. ч. эгалитаризм, антиклерикализм и примордиалистские представления о различных положительных свойствах чехов и отрицательных — немцев. История социальных восстаний и противостояния внешним силам послужила материалом и другим европейским националистическим нарративам.

Также «соколы» использовали и иные сюжеты из истории Средних веков и других периодов. Одним из поднимаемых вопросов является противоречие между выбором чешскими националистами образа из истории Предреформации в качестве центрального и монопольным положением Католической церкви в регионе. В преимущественно православной Российской империи образ Гуса продолжит свою эволюцию.

СРЕДНИЕ ВЕКА В КИНЕМАТОГРАФЕ**Средневековая Русь в современных средствах массовой информации**

Современной России нужна идеология, основанная на общедемократических ценностях, но при этом учитывающая своеобразие исторического пути страны. Сама по себе история не может стать идеологией. В прошлом есть все — и успехи и поражения. Под пером историка происходит выборка, суть которой раскрывает парадокс Монтеня: «Народ не должен

знать многое из того, что есть истина, и должен верить во многое такое, что есть ложь». В советский период остро ощущался тенденциозный («классовый») подход к изображению в средствах массовой информации (прежде всего – кино, телевидение) событий и деятелей отечественной истории. Новая Россия заявила свои претензии к истории. Один из любимых тезисов перестроечных манифестов – «Россия, которую мы потеряли», то есть подлинная отечественная история, должна быть найдена и «возвращена народу». Это «возвращение» происходило лавинообразно. Книжные прилавки уже в 90-е годы заполнила любая по качеству и достоверности историческая литература Огромные по размаху исторические выставки «Романовы», «Рюриковичи» и др. собирали многочасовые очереди любознательных граждан. Они хотели «узнать правду» о прежних правителях России, о ее богатом историческом прошлом.

Прежде табуированные по идеологическим мотивам исторические образы (князь Владимир Святой, Сергей Радонежский, Борис Годунов, Екатерина Великая, Столыпин и др.) становятся позитивными символами утраченного, а затем «возвращенного» прошлого. О них снимают фильмы, им ставят памятники. Напротив, прежние герои (Пугачев, революционеры) получают преимущественно негативное изображение.

Любая уважающая себя власть стремится создать идеологию, стержнем которой является историческая мифология. Сегодня своего рода «госзаказ», полученный современными российскими СМИ, состоит в создании зрелищных исторических сериалов, способных конкурировать с зарубежными образцами. Однако исполнение этого заказа наталкивается на ряд серьезных препятствий. Это и низкий уровень исторических знаний населения, и отсутствие устоявшихся оценок у самих историков, которых «возвращение прошлого» застало врасплох, и высокая стоимость исторических фильмов. Но дело не только в этом. Успешное выполнение действительно государственного заказа по «возвращению истории» во многом будет зависеть и от того, смогут ли творческие деятели прислушаться к советам историков, а историки – понять специфику художественного кино.

12:50–13:15 АНТОН ВАДИМОВИЧ СВЕШНИКОВ (22)

д. и. н., Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Медиевальный Козинцев. О медиевизме в советском кинематографе

Анализируя историю советского кинематографа с точки зрения медиевальных интересов, мы можем обнаружить чуть более двух десятков фильмов, посвященных западноевропейскому Средневековью. Среди этих фильмов, на наш взгляд, особое место занимают произведения двух режиссеров, весьма различных по стилю и статусу – Григория Михайловича Козинцева и Сергея Сергеевича Тарасова. При этом картины этих авторов, с одной стороны, наряду, может быть, с рыцарскими сценами «Александра Невского» С. М. Эйзенштейна, задавали некий

канонический визуальный образ «воображаемого Средневековья» для «многомиллионного» советского зрителя 1970–1980-х годов. Но при этом они, с другой стороны, являлись проявлением принципиально различных стратегий «работы со средневековьем» как с точки зрения стилистики, так и с точки зрения самого механизма культурной рецепции с учетом его теоретической и идеологической составляющей.

Модальность фильмов Тарасова условно можно обозначить выражением «окно в прошлое», и, соответственно, средневековье предстает в них абсолютно прозрачным, не требующим особых усилий для конструирования образа. Оно значимо присутствует лишь на уровне декораций и сюжета.

Модальность Козинцева прямо противоположна. Она направленная на акцентирование инаковости образа. Мы условно обозначим ее как «готическую». Она полностью определяет поэтику и стилистику фильмов – аскетичное черно-белое изображение, акцентирование сложности структуры кадра, выразительно маркированная антропология, доминирование вертикальных линий. Средневековье Козинцева – это «непрозрачный» мир.

Таким образом, коммуникативная стратегия фильмов Тарасова направлена на «присвоение» Средневековья, а Козинцева – на «отчуждения».

13:15–13:40 ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ ВОСКОБОЙНИКОВ (23)

д. и. н., НИУ «Высшая школа экономики»

Средневековье крупным планом от Бергмана до Германа

Послевоенные годы в Западной Европе по понятным причинам отмечены очередным возрождением интереса широкой публики к собственному средневековому прошлому. Это отразилось как в исторической науке, так и в массовой культуре, включая кинематограф. Однако, если наука, пусть и откликаясь на общественный запрос, всегда решала собственные задачи, как традиционные, так и новые, то массовая культура отвечала на вопросы, волновавшие широкий круг мыслящих людей. В докладе предпринимается попытка взглянуть на Средневековье и на Европу второй половины XX века глазами создателей и зрителей нескольких художественных фильмов Ингмара Бергмана, Луиса Бунюэля, Пьера Паоло Пазолини, Робера Брессона и Алексея Германа.

13:40–14:05 СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЗЛОВ (24)

к. и. н., Тюменский государственный университет

Как по-византийски смотреть на картины: Николай Месарит и Ингмар Бергман

Цель доклада – наметить новые пути антропологического анализа византийских сюжетных изображений, исходя из двойной оптики – зрителя и перформативности. При обсуждении зрительных впечатлений

ромеев византинисты имеют склонность абсолютизировать богословские теории образа, доступные в Византии лишь узкой прослойке высокообразованных элит, и фокусироваться на абстрактной фигуре «созерцательного христианина».

В докладе показывается недостаточность византийских вербальных текстов для суждений о том, как сами византийцы смотрели на сюжетные картины. Для экспликации метода вводится категория интерпассивности Славоя Жижека. Как пример интерпассивности разбирается эскизная реконструкция мозаик Церкви Святых Апостолов – знаменитого пятикупольного храма Константинополя, разрушенного в 1461 г., – выполненная на основе экфрасисов Константина Родосского (IX–X вв.) и Николая Месарита (XII в.) группой ученых под руководством Альберта Френда (1948 г., не опубликована; хранится в Думбартон-Оксе). Экфрасис предназначался не для пассивной реконструкции, а для активного восприятия, поддерживаемого зрительными впечатлениями и воображением. Сюжетные картины, в т. ч. на мозаиках и фресках, в Византии обозначались словом *ιστορία*, которое этимологически значило буквально «увиденное», результат активного зрительного восприятия, суждение об увиденном.

Исходя из этого, обосновывается альтернативный метод анализа экфрасиса Месарита – через сравнение его перформативной природы с «Седьмой печатью» Ингмара Бергмана (1957 г.). Обоснование строится как серия сопоставительных анализов перформативных аспектов каждого из произведений в русле новейших компаративных исследований визуальной культуры Византии и модерна.

ИЗОБРЕТЕНИЕ И/ИЛИ РЕКОНСТРУКЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

15:00–15:25 НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ ФЕДОННИКОВ (25)

НИУ «Высшая школа экономики»

Образ королевской власти в Мире Льда и Пламени и его Средневековые истоки

Доклад посвящен конструированию королевской власти в Мире Льда и Пламени Дж. Р. Р. Мартина и связанным с королевской властью историческим параллелям. В качестве источников были использованы произведения из цикла «Песнь Льда и Пламени», «Повесть о Дунке и Эгге», а также «Мир Льда и Пламени» и «Пламя и Кровь», представляющие собой мета-тексты, фигурирующее и конструируемое внутри самого мира историописание, по своей форме напоминающее средневековые жизнеописания и хроники, что позволяет рассмотреть представления о королевской власти и ее истоках «внутри» самого мира.

В исследовании будут рассмотрены следующие вопросы: каковы пути легитимации власти в Мире Льда и Пламени и сколько в них «средневекового», насколько добродетели и пороки, упоминаемые в Вестеросском историописании соответствуют средневековым западным аналогам, насколько фигура короля значима в Семи королевствах, где границы его властных полномочий, и развиваются ли представления о власти с течением времени в вымышленном мире. Можем ли мы считать, что Джордж Мартин придерживается однозначно Средневековой или Модерной концепции власти в построении мира и насколько основы власти стабильны?

Автор приходит к выводу, что несмотря на кажущуюся «секулярность» королевской власти в Вестеросе, которая относит нас скорее к современным концепциям власти, нежели к средневековым представлениям, процессы легитимации власти позволяют провести ряд параллелей с раннесредневековыми королевствами. В то же время, мы можем наблюдать эволюцию властных основ с течением времени внутри мира, что позволяет нам назвать период, описанный в цикле «Песнь Льда и Пламени» переходным от «Средневековья» к «Модерну».

15:25–15:50 ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ МАКАРОВ (26)
к. ф. н., *Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет*

«Шекспировский театр»: воссоздание и/или изобретение

Доклад посвящен многолетнему опыту реконструкции набора материальных объектов и культурных практик, известных нам под названием «елизаветинского», «раннестюартовского», а если одним словом – «шекспировского» театра. Пионером такой реконструкции явился театр *Shakespeare's Globe* – плод многолетних усилий актера и режиссера Сэма Уонамейкера, в настоящее время включающий две сцены – крытую и открытую. Установка на «тотальность» реконструкции – акустика, аутентичная музыка и танцы, отсутствие звукоусиления – вводит *Shakespeare's Globe* в некоторый конфликт с более современными традициями «режиссерского театра» и одновременно превращает его в исследовательский центр (музей, совместная магистерская программа с *King's College London*). Более того, популяризация «глобусовской» сцены без занавеса (*thrust stage*) и вовлечения стоячего партера объясняет всплеск интереса к DIY-театральным проектам, использующим ту же сценографию.

Почти полное отсутствие информации об актерских практиках аутентичного «шекспировского театра» заставляет его реконструкторов пускаться на эксперименты, задействующие элементы театра более поздних эпох. Несмотря на отрицательные отзывы многих театроведов, популярность *Shakespeare's Globe* и в целом «медиевалистического» (за неимением соответствующего термина в отношении шекспи-

ровской эпохи) театрального реконструкторства можно объяснить тем, что оно стремится не столько восстановить конкретный театр, сколько заново изобрести определенный виртуальный мир.

15:50–16:15 МАРИНА ИННОКЕТЬЕВНА БАЙДУЖ (27)

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ / Московская высшая школа социальных и экономических наук

«Другое Средневековье»: конструирование и деконструирование «правильного Средневековья» внутри сообществ исторической реконструкции

#ДругойПятнахиУнасДляВасНет – такой хэштег возникает в 2016 году после недельного «закрытого» 1 фестиваля исторической реконструкции «L'Ultima Frontiera Taurica 2016». В то время эта фраза употреблялась в прямом значении: мы все устали, но это единственное мероприятие в этом году по реконструкции позднего XV века и мы все равно рады. В 2017 году этот хэштег становится особенно популярен, но приобретает новое, можно сказать, политическое звучание и обозначает уже конструируемые границы внутри сообщества реконструкторов «поздней пятнахи»: «Наша реконструкция позднего Средневековья – единственно верная и потому ей не существует и не может существовать альтернативы». Этот мем продолжает жить и сейчас, маркируя постоянно происходящие процессы диверсификации внутри сообщества реконструкторов позднего западноевропейского Средневековья.

Однако эта фраза и этот кейс не единственный маркер, демонстрирующий постоянно воздвигаемые границы внутри и между сообществами исторической реконструкции. Это следствие естественного процесса выстраивания своей принадлежности к некоторому воображаемому реконструкторскому сообществу / субкультуре и процесса создания и оспаривания ее базовых ценностей, в частности, права и авторитета диктовать что такое «аутентичность» и как следует ее воплощать.

В рамках доклада я хочу остановиться на анализе именно этого процесса, в частности, на (1) сравнении различных сообществ реконструкторов, занимающихся воссозданием западноевропейской жизни конца XV века в русле *Living history* (2) тех моделях, стратегиях и тактиках, согласно которым отдельные реконструкторы конструируют свою принадлежность к тому или иному сообществу и как (и зачем) возводятся границы между ними.

Исследование основано на материалах антропологического включенного наблюдения на нескольких закрытых и открытых мероприятиях, глубинных интервью, а также анализе текстов-репрезентаций отдельных реконструкторов в социальных сетях.

Синхронизация vs реконструкция: в поиске Средневековья

Среди всех исторических эпох именно Средневековье особенно часто вдохновляет создателей видеоигр самых разных жанров – от RPG и приключенческих боевиков до стратегий и симуляторов. Однако нередко привязка к историческому контексту оказывается в них более чем поверхностной и условной, а сами средневековые образы легко заменить любыми иными без существенной трансформации игровой механики.

Тем не менее, некоторые из разработчиков стремятся найти подходы, которые позволят геймеру соприкоснуться с историей на более глубоком уровне. Чаще такие игры основываются на идее непосредственного вживания игрока в роль средневекового персонажа. Но, скажем, создатели серии игр «Assassin's Creed» предложили иной подход: т. н. принцип «синхронизации», где погружение в прошлое подается как путешествие по воспоминаниям далекого предка, в попытках с большей или меньшей степенью точности угадать его линию поведения. В этом принципе нашла отражение постмодернистская идея относительности наших представлений о прошлом, которая на момент создания первой части игры, в 2000-х гг. провоцировала бурные дискуссии не только в сообществе профессиональных ученых-историков, но и у широкой общественности.

Подчеркивая дистанцию между геймером и игровым миром, разработчики предлагали более внимательно взглянуть в историческую эпоху – что становилось возможным именно на расстоянии. Но на эту ситуацию можно посмотреть и с другого ракурса, ведь синхронизация – процесс двусторонний. Не только современный человек пытается «синхронизироваться» со Средневековьем, но и само Средневековье вторгается в современность и начинает оказывать на нее непосредственное влияние.